Бесспорно, блокада в Приднестровье противоправна. Однако в цивилизованном обществе невозможна и фраза:

«Я открыл дверь и получил автоматом в лоб»

«Публикация интервью депутата Верховного Совета так называемой Приднестровской Республики А. Сайдакова в «Комсомольской правде» от 11 сентября под заголовком «У Молдовы будет свой Карабах?» — не что иное, как очередная дезинформация общественности о реальной обстановке в Молдове, попытка дискредитировать руководство, органы внутренних дел республики... Сообщаем, что при задержании и аресте отдельных сепаратистских лидеров Приднестровья полиция действовала в строгом соответствии с законами суверенной и независимой Республики Молдова. Приведенные в интервью доводы о том, что якобы службы безопасности взламывают двери, хватают людей прямо в постели, тут же избивают и отправляют в камеру, являются вымыслом... Что касается условий содержания псевдопредседателя незаконной Приднестровской Республики И. Смирнова, то он содержится в предусмотренных законодательством условиях для подследственных. Пресс-бюро МВД Республики Молдова уполномочено заявить решительный протест против такого рода фальсификации действительности. Требуем опубликовать протест в газете».

Вкратце напомним суть дела. 22—23 августа пятеро народных депутатов Советов разных уровней — лидеры Приднестровья и Гагаузии — были арестованы полицией. 29 августа вооруженные лица в штатском захватывают в Киеве председателя непризнанной Приднестровской Республики И. Смирнова и депутата Рыбницкого горсовета А. Чебана и везут в Кишинев. Позже всем арестованным предъявляется обвинение по статье 203 прим.— неподчинение требованиям Конституции Молдовы и призывы к неповиновению. Фактически лидеры оппозиции обвиняются в поддержке ГКЧП. В доказательство этого зам. государственного министра Молдовы Г. Лупой прислал в редакцию ксерокопии телеграмм Верховных Советов Приднестровья и Гагаузии, городских газет Тирасполя, Бендер, Дубоссар, в которых приветствуются меры ГКЧП по сохранению СССР. Судя по всему, меры эти действительно поддерживали многие: трудовые коллективы, советы ветеранов, комитеты компартии, военные и гражданские местные жители.

Мы не беремся определять степень вины ни арестованных депутатов, ни тысяч людей в Приднестровье и Гагаузии. Заметим лишь, что в вызвавшей недовольство официального Кишинева беседе А. Сайдаков говорил о нарушениях, допущенных при аресте депутатов, о тяжелых условиях их содержания. Будучи в Кишиневе, мы неоднократно обращались к представителям власти республики: дайте нам возможность, встретившись с арестованными, убедиться в обратном. В ответ слышали только одно: «нет!». Однако нам все же удалось просмотреть видеозапись состоявшейся 17 сентября встречи арестованных с делегацией Верховного Совета России.

Как их брали

Из рассказа Г. Попова, методиста станции юных техников г. Григориополя: «Примерно в 23.00 22 августа в дверь постучали. Я спросил: «Кто там?».—«Григорий Николаевич, откройте, вы меня хорошо знаете».— «Да кто вы?» — «Откройте, пожалуйста, мне срочно нужна ваша помощь». Грабителей вроде не боюсь —открыл. Тут же удар в лоб автоматом, несколько мужчин в штатском заломили руки и стали бить прикладами по спине. Потом вытащили во двор, распяли на скамейке и снова били, стараясь попасть по голове. Я кричал, что у меня депутатская неприкосновенность, потом стал просить, чтобы били хоть не автоматами, а руками. Они послушались и стали бить кулаками в живот. Потом надели наручники, бросили в машину. Двое сели по бокам, двое спереди, и снова удары — по лицу, в нос. Я пытался закрываться наручниками, да где там. Хотел откинуться назад, чтобы кровь не текла — не давали: «Голову вниз и вперед». Спрашиваю: «Кто вы? КГБ? НКВД? Тайная полиция?». Скоро, говорят, узнаешь. Случайно заметил лицо шофера, узнал: Гриша, он возит комиссара полиции. Понял, что это он меня вызывал из дому. Вся машина в крови, говорю ему: «Ты хоть тряпку дай, я вытру, а то как завтра шефа возить будешь?». Он дал. Потом остановились на каком-то пустыре, темно, ни души. Думаю, вот тут они меня и кончат. Нет — связались с кем-то по рации и поехали дальше. Парни, видно, непривычные еще к запаху крови — окна открыли, сквозняк, а я в одних трусах. Наконец остановились — смотрю, МВД республики. Меня вывели из машины, стою. На крыльцо выходит комиссар полиции Цуркану, стал руки за спину и всем своим видом говорит: смотри, мол, депутат Попов, как критиковать меня на июльской сессии за избиения людей в полиции и развал работы».

Из рассказа В. Ботнаря, зампреда Григориопольского исполкома: «22 августа примерно в 23.30 я уже лег спать, звонок в дверь: «Вас срочно вызывает председатель исполкома». Мы с женой засомневались, отвечаем, что этого не может быть, он бы позвонил. Слышим крики: «Ломай дверь!». Тут вдруг телефон зазвонил, жена сняла трубку — они врываются. Три автоматчика и несколько человек в милицейской форме. Жену бьют по голове, телефон на пол: «Ни с места!». Я понял, что сопротивляться смешно. Потребовал ордер на арест, они сказали, что в полиции все получу. Я им еще сказал: «Вы ж серьезные люди, подумайте: даже в 37-м году людям одеться давали, а вы меня везете в трусах и майке». Бесполезно— до обеда следующего дня, пока из дому одежду не передали, я так и был голым. Самого меня не били, но у жены сотрясение мозга. Только 25 августа мне предъявили обвинение».

Из рассказа М. Кендигеляна, зампреда Верховного Совета непризнанной Гагаузской Республики: «23 августа часов в 6 утра, но радио уже играло, в дверь постучала женщина: «Имеете ли шкуры на продажу?». Только открыл дверь, как на меня набросились вооруженные автоматами люди в бронежилетах, оглушили газом и потащили в машину. Я был босиком и по пояс голый. Другого насилия не было — только помню, что соседка кинулась к ним: «Что вы делаете?». Они ее оттолкнули. Повезли меня в Кишинев окружными дорогами, привезли в республиканскую прокуратуру. Спрашиваю: за что? «Мы получили приказ из центра по аресту содействовавших путчу». Я заявил протест: еще 20 августа часов в 10—11 утра мне позвонил корреспондент радио «Свобода» в Молдове и в интервью ему я назвал путч антиконституционным. Через минут 20 звонил корреспондент газеты — органа Верховного Совета Молдовы, я то же самое сказал ему, и это вроде бы напечатано. Когда они поняли, что путчиста из меня не получится, то вышли, долго переговаривались, а потом предъявили ордер на арест по статье 203 прим., датированный 1990 годом».

Из рассказа Г. Пологова, председателя Бендерского горсовета: «Я еще с вечера знал, что за мной охотятся: соседи позвонили, что у моего дома какие-то люди, кажется, хотят меня схватить. 23-го утром я приехал в Бендеры и пошел домой. Взял с собой трех депутатов горсовета, чтобы рассказали потом народу, что и как. Скрываться не собирался — считаю, бегать народному депутату не от кого и незачем, тем более, если ничего не совершал. Задержали меня в 9.03. Человек 35 вооруженных автоматами людей схватили меня и тех, кто был со мной, бросили в автобус. Ордера на арест не предъявили. Я не сопротивлялся, насилия ко мне не применяли, даже наручников не надели. Но один из моих товарищей пробовал не подчиниться — его избили. Потом меня отделили от них, пересадили в «Жигули» и повезли в Кишинев. По дороге несколько раз слышал по рации вопрос: «Груз доставлен?». Неприятно, знаете, когда про живого человека так говорят. Окольными дорогами привезли в Кишинев, вечером предъявили решение Президиума парламента Молдовы от 23 августа о привлечении меня к ответственности. Согласия на арест там не было. Спрашиваю, как вы могли арестовать меня рано утром 23-го, если решение появилось позже? Тогда через несколько дней они принесли новое решение — уже сессии, датированное днем или двумя раньше, то ли от 21, то ли от 22 августа. Там уже появились слова о необходимости задержания. Я считаю, что это подлог, а вся ситуация со мной— сплошное беззаконие».

Как их содержат

Из рассказа Г. Попова: «В изоляторе меня кинули на нары — без подстилки, без ничего. Так голый и провалялся сутки, пока из дома не передали одежду. 27 августа вместо подстилки дали газету. С третьего раза выпросил бумагу и ручку, написал протест прокурору, где связал арест с местью за критику МВД республики. Написал также, что не задержан, а похищен и избит, требую медицинского освидетельствования и медпомощи. В ответ в «кормушку» просунули листок, где было написано, что я задержан с согласия комиссара полиции Цуркану: «Подпиши!». Потом пришел медэксперт, определил, что сломано десятое ребро. Несколько дней у меня шумела голова, подташнивало, через 5—6 дней начались сильные боли в затылке, плохо работают глаза. Подозреваю, что отбита и почка. Лежать трудно, приходится стоять, прислонившись к стенке, или на коленях — не так больно. Раз ночью были страшные боли в позвоночнике, я просил вызвать «Скорую помощь» — куда там... 10,5 дней меня продержали в одиночке, никаких следственных действий за это время не было. Потом перевели в СИЗО. Обращения к прокурору с просьбой изменить меру пресечения в связи с состоянием здоровья пока остаются без ответа».

Из рассказа М. Кендигеляна: «Одежду мне привезли из Комрата лишь вечером, до того сидел перед ними фактически голый. Заключили в одиночную камеру. Я написал, что не согласен с обвинением, что вопрос о независимости республик надо решать за столом переговоров, а не пользоваться моментом,— бесполезно. Что касается условий содержания — недавно вся тюрьма четверо суток голодала; ни побриться, ни помыться, еда — сами знаете. Заключенных постоянно бьют, издеваются — это какой-то беспредел. Все сделано для того, чтобы люди чувствовали себя скотами. Мы же сами куем преступников, которых потом уже не исправит ничто! Я жаловался на сильные головные боли, потом обострились язва и хронический гастрит. Дали какие-то таблетки, по-моему, не от того, и в другую камеру перевели — чуть побольше, и воздух чуть получше, вот и все лечение. Спасибо, хоть разрешили из дома лекарства получать».

Из рассказа Г. Пологова: «Пока здесь меня никто пальцем не тронул. Условия? Тюрьма есть тюрьма, конечно, она не для депутатов. Темнота, сырость, «кормушку» не открывают, когда гулять выводят. Говорят, в зоне условия обитания лучше. Я прибыл сюда, когда был на бюллетене. На вторые сутки пришел врач, дал какие-то таблетки, обещал прийти через три дня, но обманул. Меня по ночам душит кашель, сердце сдало — лечиться нечем. Недавно снова врач приходил, но ребята из камеры налетели — не пробиться... Я хочу сказать, что попадаю под амнистию, объявленную 14 июня правительством республики,— и по возрасту, и по орденам. Как должностное лицо я ни одного закона не нарушил, на президиуме горсовета был против путча, есть свидетели — какая необходимость держать меня под стражей?... Через два дня у меня день рождения, 62 года. Приходите на именины».

По достоинству оценив последнюю шутку, гости «с воли» рассмеялись.

Вместе с российскими депутатами на встрече в кишиневском СИЗО были и молдавские. Они не раз перебивали недавних коллег по парламенту, и снова начинались споры, как Молдове жить дальше. Все, как еще недавно на заседаниях Верховного Совета, только одни остались в костюмах с депутатскими значками, а других переодели в спортивные костюмы.

...— Поймите, мы хотим спокойствия в республике,— объяснял одному из арестованных председатель депутатской комиссии по охране правопорядка Верховного Совета Молдовы В. Берлински.

— Если бы вы хотели этого, вы бы не хватали депутатов и не бросали их за решетку. В итоге — новый виток напряженности,— ответил тот.

Позже в разговоре с Берлински, к слову, бывшим следователем, чисто по-человечески, стараясь понять жестокость полиции и, мягко говоря, неадекватные ситуации меры (автоматчики, бронежилеты, газ и т. д.), мы спросили: зачем? Ну даже если никак нельзя было без ареста, даже если выяснится, что арестованные действительно приветствовали ГКЧП, да, черт возьми, пусть прокуратура Молдовы даже вдруг докажет, что они входили в ядро ГКЧП и были агентами Москвы, завербованными КГБ,— зачем избивать? Разве возможно не понимать, что все это всплывет — рано или поздно? Ведь избранные сотнями тысяч людей депутаты не пьянчужки, не уголовники, над которыми полиции можно безнаказанно издеваться.

Виктор Митрофанович занервничал, заволновался, глотая слова:

— Эта операция велась так, чтобы исключить применение оружия с той стороны. Ведь у них в том же Тирасполе около сорока автоматов, вооруженные люди охраняют горсовет. Мы не хотели перестрелки, вот и вынуждены были спешить. Серьезно досталось лишь Попову — при задержании он сопротивлялся, такая махина, 104 килограмма. Но если будет установлено, что применение насилия к нему незаконно, то мы примем меры.

— Хорошо, пусть даже Попов оказал сопротивление, хотя его жена и соседи утверждают обратное. А как бы вы себя повели, когда к вам в квартиру вламываются неизвестные — без ордера, без объяснений?

— Я закон не нарушал.

— Сколько будет продолжаться установление вины или невиновности каждого арестованного?

— Нам мешает блокада. Невозможно работать. Пологов, к примеру, утверждает, что на президиуме горсовета был против одобрения ГКЧП, а присутствующих допросить невозможно. Свидетели и некоторые обвиняемые систематически не приходят на допросы, а ведь многих из них мы вправе задержать, санкции на арест имеются.

— А что мешает на время следствия выпустить депутатов? Они ведь пожилые люди — директор завода, председатель райисполкома — и вряд ли куда-то убегут? Вместе с тем, пойдя на эту уступку, вы выиграете в глазах общественного мнения, вынудите женщин Приднестровья снять блокаду — кто-то же должен сделать шаг навстречу?

— Я знаю позицию органов следствия: пока есть блокада, это невозможно. Нельзя идти на выполнение ультиматума.

Итак, столкнувшись с отчаянным сопротивлением Приднестровья и Гагаузии, с упорной блокадой и решимостью постоять за себя (а в том же Приднестровье как-никак базируются крупные воинские части и военные заводы), продолжать аресты молдавские власти побаиваются. Выпустить же депутатов на свободу, а значит, признать свое поражение и, главное, создать прецедент, не могут. Вместе с тем в Кишиневе не теряют надежды приструнить мятежные Приднестровье и Гагаузию, навести порядок «железной рукой».

В роли третейских судей попытались выступить российские парламентарии. После встречи в кишиневском СИЗО глава делегации народных депутатов РСФСР, представитель Б. Ельцина Сергей Красавченко выступил с заявлением, в котором сказал, что никаких нарушений прав человека в Молдове он не увидел. Более того, по заключению главы делегации, в Приднестровье дискриминируются молдаване. В результате блокады Россия недополучила сотни тысяч тонн овощей и фруктов. На одной из встреч в Кишиневе Красавченко привел такой аргумент: «Если бы жители Приднестровья оказались вдруг в США, то они не стали бы устанавливать там свои порядки — почему же это считается возможным в суверенной Молдове?» По мнению Красавченко, требовать освобождения депутатов Приднестровья и Гагаузии—то же, что просить свободы для Крючкова или Бакланова.

Однако в Бендерах и Тирасполе подобные доводы были с ходу отвергнуты. Депутатов обвинили в предательстве и едва не избили. Не было недостатка и в непечатных выражениях.

Похоже, и в Приднестровье эмоции продолжают главенствовать над разумом.

К. БАЯЛИНОВ,
И. ЧЕРНЯК,
(Наши спец. корр.).
Кишинев — Москва.

„Комсомольская правда"
25 сентября.